

ЕЩЕ РАЗ О ЛИКОФРОНЕ И «ЭНЕИДЕ» *

В нашем распоряжении имеются три недавних издания поэмы Ликофрона «Александр»¹, появление которых, казалось бы, позволяет надеяться на то, что мы хоть немного приблизились к решению двух вопросов: старого, о статусе строк 1226–1280 (интерполяция с сильным римским привкусом или исконный текст?), и чуть более нового – об отношении как всей поэмы целиком, так и заподозренного отрывка отдельно, к «Энеиде» Вергилия. Ничуть не бывало. Обе проблемы так же далеки от разрешения, как и прежде.

С одной стороны, не существует серьезных оснований подвергать сомнению, что Вергилий не просто превосходно был знаком с «Александрой»², но и рассчитывал на то, что более образованные из его читателей угадают в его стихах многочисленные аллюзии на этот источник – поэму, созданную, вероятно, в конце III – начале II в. до н. э.³ С другой стороны, замечание, которое мимоходом бросила Стефани Уэст⁴, показывает, что вопрос далеко не исчерпан, и не составит особого труда продвинуться вперед в его понимании. Д-р. Уэст замечает: «мы вряд ли могли бы понять, что нам делать» с «рожденными под Бореєм» (βορειῶνοι, т. е. обитателями Севера) из стиха 1253 «Александр», среди которых троянским изгнанником предстояло однажды поселиться, если бы нам не было уже знакомо наименование латинян *Aborigines* («изначальные жители»). Рассмотрим поэтому еще несколько примеров из подозрительных стихов 1226–1280.

(i). Стих 1254⁵. Упоминание Давнии (приблизительно совр. Апулия) в данном контексте крайне неуместно. Однако Вергилий отцу своего героя Турна дает как раз имя «Давн» (если даже и не эпоним давнийцев в полном смысле слова, то во всяком случае апеллатив чисто давнийского происхождения), хотя и поселяет его при этом в Ардее, куда легко добраться пешком из Лавиния и откуда не так далеко до

* Перевод выполнили А. А. Россиус и А. В. Мосолкин.

¹ Ed. M. Fusillo, A. Hurst, G. Paduano. Milano, 1991; Ed. V. Gigante Lanzara. Milano, 2000; G. Lambin. Rennes, 2005.

² S. West. CQ. 33 (1983), P. 132 ff.; ead. JHS. 104 (1984), P. 130 ff.; N. M. Horsfall. Prudentia 8 (1976), P. 86, S. Josifovic. PW. Suppl. 11. Sp. 922 ff.; I. Trencsenyi-Waldapfel. Stud. Clas. 3 (1961), P. 286 ff.

³ Cf. Fraser P. Report of the Department of Antiquities, Cyprus, 1979. P. 328 ff.

⁴ West S. 1984, P. 133.

⁵ К сожалению, на русском языке нет ни одного издания «Александр». Поэтому, думаем, полезно будет поместить в данном случае необходимые фрагменты из самой поэмы. Ст. 1253–54:

κτίσει δὲ χώραν ἐν τόποις βορειῶνων
ἵπὲρ Λατίνους Δαυλίους τ' ὤκισμένῃ.

«[Эней] заселит страну во владениях рожденных под Бореєм,
Лежашую за пределами латинов и давнийев»

(прим. переводчиков).

Альбы Лонги⁶. Таким образом, «Давнию» из стиха 1254, я полагаю, следует понимать просто как ученый намек на Вергилиеву страну рутулов, построенный на необычном употреблении у Вергилия личного имени Давн, вне зависимости от того, чем руководствовался при этом сам Вергилий. Такое предположение устраняет из греческого текста географическую трудность с греческого текста, ибо Эней действительно станет основателем города (Лавиния) на земле латинов/рутулов.

(ii) В стихе 1252 «Александр» речь идет об Энее, который вспомнит древние оракулы о троянцах, пожирающих свои столы⁷. Это «вспомнит» представляет собой, судя по всему, изощренную аллюзию на фразу Вергилия *nunc repeto* (*Aen.* VII.123; см. мой комментарий к этой строке), где Эней воскрешает в памяти и предлагает спутникам истолкование древнего пророчества Гарпии, некогда данное его отцом (хотя оно и не вошло в текст поэмы)⁸.

(iii) Начиная со стиха 1242, в тексте «Александр» предвещается установление сложного хитросплетения союзов: троянцы, карлик (возможно, Одиссей)⁹, Тархон и Тирсен. Ключевой здесь является тема старого врага, Одиссея, который становится другом и союзником¹⁰. Уже Гелланик упоминал о наладившихся отношениях между Энеем и Одиссеем (*FrGH.* 4 F. *Frag.* 84)¹¹, и вообще тема ныне преодоленной былой греко-троянской вражды имеет для Вергилия первостепенное зна-

⁶ См. также: *App. Bel. civ.* II.20. 74, где говорится о давние Диомеде в Лавинии. Cf. *Russi A. Enciclopedia Virgiliana I.* Roma, 1984. P. 1005; II. Roma, 1985. P. 80. Помещая Давна в Лации, Вергилий тем самым вовсе не пытался смело установить мифологическую связь между двумя районами, а скорее лишь изысканно вводил имя, которое имело какие-то старые и отдаленные ассоциации, значение которых, вероятно, было невелико. Такое скептическое отношение оправдано по отношению к некоторым деталям при комментировании седьмой книги «Энеиды».

⁷ См. ст. 1250–52:

εἶθα τράπεζαν εἰδάτων πλήρη κιβών,
τὴν ὕστερον βρωθείσαν ἐξ ὀπαίων,
μνήμην παλαιῶν λήψεται θεοπισμάτων.

«Там [Эней] найдет стол, наполненный яствами,
Который впоследствии [его] спутники съедят,
И он вспомнит о древних пророчествах»

(прим. переводчиков).

⁸ Cf. мой комментарий к *Aen.* VII.123; *S. West* 1983, 134; аргументы, которыми обосновывается отставившаяся в последнем случае точка зрения, слишком усложнены, чтобы вызвать немедленное согласие.

⁹ Cf. *N. Horsfall.* CQ 29 (1979), P. 389 ff.

¹⁰ См. ст. 1242–44:

σὶν δὲ σφι μίξει φίλιον ἔχθρὸς ὦν στρατόν,
ὄρκους κρατήσας καὶ λιταῖς γουνασμάτων
νάους, πλάναισι πάντ' ἔρευνίσας μυχὸν
ἄλως τε καὶ γῆς.

«В союз с ним вступит ставшее дружественным вражеское войско,
Одержавший победу при помощи клятв и молений
Карлик, в блужданиях обследовавший все недра
Моря и земли»

(прим. переводчиков).

¹¹ Ср. подробное обсуждение этой проблемы: *Horsfall.* 1979. P. 376 ff; *idem.* *Enciclopedia virgiliana* 2. Roma, 1985. P. 223, а также: *J. N. Bremmer, N. M. Horsfall.* Roman myth and mythography. *Bull. Inst. Class. Stud. Suppl.* 52. 1987. P. 13, 15 f.

чение¹²: в данном случае, однако, в греческом тексте несомненно обыгрывается известный Вергилиев парадокс: «путь к спасению – ты не поверишь – начнется из греческого города» (*via prima salutis, quod minime reris, Graia pandetur ab urbe* (*Aen.* VI.96 sq.)). Вергилий имеет в виду основанное Эвандром на месте будущего Рима аркадское поселение.

(iv) Почему в стихе 1279 жилищу Сивиллы в Кумах дается эпитет στυγνὸν¹³? Несомненно, только из-за того, что Вергилий в следующих одна за другой строках (VI.10.11) Сивиллу называет *horrenda*, «ужасной», а ее пещеру – *immane*, «громадной, устрашающей».

(v) Важнее всего, однако, знамение черной свиньи (ст. 1256), которую привезли с собою с Востока троянцы¹⁴. Такой окрас животного встречается только в данном фрагменте, что вызвало значительное недоумение¹⁵. Очевидно, что черный цвет – это умышленная инверсия изначально белого: ведь именно белый окрас имеет смысл при наличии исходной связи между латинским прилагательным *alba* («белый») и топонимом «Альба Лонга». Слово «черная» может быть понято только как нарочитое извращение латинского оригинала. Равным образом не знает параллелей, по крайней мере до времени Помпея Трога (*Justin.* 20.1.12) соединение данного знамения с тридцатью латинскими колониями¹⁶ а не с тридцатью годами, которые должны пройти прежде чем Эней станет основателем Альбы, хотя о 30 поселениях упоминает уже Дионисий Галикарнасский (*Ant. Rom.* III.34.1), не сообщаящий, однако, их аition. Но что, если автор, написавший в стихе 1255 πύργους («башни») думал при этом о слове *arces* у Вергилия (VI.776), который, хотя и не называя их точного числа, говорит именно о поселениях Латинского союза?

¹² Cf. мой комментарий к XI.243–295 и III.613 (в печати).

¹³ См. ст. 1278–80:

ἔνθα παρθένου
στυγνὸν Σιβύλλης ἐστὶν οἰκητήριον,
γυρῶν βερέθρῳ στυγατηρέφες στέγης.

«там девы

Сивиллы находится угрюмое жилище,
Покрытое сводами выеденной в скалах пещеры»
(прим. переводчиков).

¹⁴ См. ст. 1255–58:

πύργους τριάκοντ', ἐξαριθμήσας γονὰς
σὺς κελαϊνῆς, ἦν ἀπ' Ἰδαίων λόφων
καὶ Δαρδανείων ἐκ τόπων ναυσθλώσεται,
ἰστηρίμων θρέπτειραν ἐν τόκοις κάπρων.
«[Эней построит] тридцать осадных башен, отсчитав отпрысков
Черной свиньи, которую он от холмов Иды
И из дарданских мест привезет на корабле:
Ибо свинья опоросится и выкормит именно это число поросят»
(прим. переводчиков).

¹⁵ Cf. *J. Thomas* в *Mythologies du porc.* ed. P. Walter. Grenoble, 1999. P. 51 ff.;
A. Alföldi. *Early Rome and the Latin.* Ann Arbor, n.d.. P. 271 ff.

¹⁶ О поисках «изначального» смысла свиньи и ее цвета cf. *Alföldi A.* Op. cit. P. 271 ff.,
Palmer R. E. A. *Archaic Community of the Romans.* Cambr., 1970. P. 10 f.

Приведенные выше соображения нельзя считать решающими. Однако, следуя общепринятой традиционной хронологии, согласно которой Вергилий использовал сочинение Ликофрона, мы оставляем слишком много темного и труднообъяснимого. Если же предположить, что это что интерполятор «Александры» следовал за «Энеидой», сразу проясняются несколько самых темных мест (и число таковых после более кропотливого исследования несомненно возрастет), а сам интерполятор оказывается остроумным и изысканным сочинителем вариаций на темы недавно опубликованного эпоса римлян¹⁷.

N. M. HORSFALL (OXFORD)

LYCOPHRON AND THE AENEID, AGAIN

The problem of the Roman verses in Lycophron's "Alexandra" and their evident relationship to Virgil is easily resolved, once it is realised that those verses contain numerous allusions best understood as dependent upon Virgil's Latin original. The section of text is therefore clearly interpolated and post-Virgilian.

¹⁷ Cf. *Horsfall N. Virgilio: l'eropea in alambicco*. Napoli, 1991. P. 40 (о деятельности греческих грамматиков в Риме во времена Вергилия). Я в высшей степени признателен Стефани Уэст за ее многолетнюю поддержку и Алексею Мосолкину за то, что он побудил меня взяться за столь непростой вопрос.